

Гость
13-й страницы

Знакомый голос Царева, улыбка Царева, его неповторимые интонации, его патетика, его юмор... Художник многограновый, многообразный, он всегда узнаваем и всегда нов — в любой роли.

Выдающийся деятель сценического искусства, он — целая эпоха в советском театре.

Сегодня гость нашей 13-й страницы — народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI и пяти предшествовавших съездов КПСС, председатель правления Всероссийского театрального общества, президент Советского национального центра Международного института театра, профессор Училища имени М. С. Щепкина, ведущий актер и директор Малого театра Михаил Иванович ЦАРЕВ.

Готовясь к беседе с Михаилом Ивановичем, я прочел несколько книг о нем, о его творчестве. Запомнил слова Константина Пастернака, в пьесе которого «Наш современник» Царев сыграл Пушкина: «Горячий, умный, блестательный Пушкин!» Слова Николая Тихонова о работе в «Оптимистической трагедии»: «Трактовка им роли Вожака — подлинное открытие». Слова народного артиста СССР Акакия Хорава: «Величие актерской индивидуальности Царева».

— Михаил Иванович, как воспринимаете вы похвалы?

— Не стану ханжить — выслушиваю с удовольствием. И с некоторой неловкостью. Приятно. Но, по правде говоря, серьезное, дельное замечание мне и важнее, и интереснее. Не то, чтобы я так уж любил критику в свой адрес. Однако критика, трезвый анализ необходимы художнику так же, как вредно гомокружение от успехов.

— Вероятно, аналитичность — основа вашей творческой лаборатории, и именно с анализа начинаете вы работу над ролью?

— Да, нужно глубоко понять пьесу. Что хотел сказать автор? Какова функция данной роли во всей системе образов? Существует множество компонентов, составляющих полноту образа, его пьесы — от социального и философского смысла до точности костюма, грима, жеста.

— Вы сыграли сотни ролей, самых завидных классических и весьма ярких современных. Пожалуйста, из их совокупности выведите и назовите главную, ведущую тему своего творчества. То, о чем вы хотите говорить со сцены в первую очередь.

— О любви. Вернее, о Любви с большой буквы. Поймите правильно: не о том чувстве, которым принято обозначать сюжет каких-либо «жестоких» мелодрам. Нет, о Любви — светлом, согревающем нас отношении к своей земле, своей стране, своему народу, своему неповторимому времени. Любовь — это единение со временем. Через любовь можно рассказать о многом — и о становлении человека, и о нравственном его мире, и о личных коллизиях. Словом, Любовь — образ, в котором соединяются самые главные проблемы наших дней.

— «Единение со временем». Нельзя ли расшифровать, подробнее объяснить этот постулат?

— Отчего же, попытаемся. Время — тот фактор, который мы просто не в силах миновать. Процесс старения, увы, необратим. В искусстве он выражается главным образом в том, что актер вдруг останавливается в своем движении и перестает воспринимать новое. И бывает так, что актер играет в наши дни, но по существу остался в ином, уже минувшем времени и живет по его законам, а не по сегодняшним. Чувство времени означает для художника вовсе не погоню за модой, а способность выбрать из сценических выразительных средств те, которые не

лию — Тюленев; надо было прочитать наизусть стихи Некрасова. «Однажды в студеную зимнюю пору...» — стал читать я, а когда закончил, он сказал: «После того, как ты произнесешь: «Гляжу, поднимаюсь» — погляди в окно. И когда там как бы увидишь, что поднимается медленно в гору лошадка, тогда и продолжай». И я почувствовал, что, «увидев», гораздо легче декламировать. Наверное, это и был мой первый урок по системе Станиславского. А может быть, и большее — то, что направило меня по актерскому пути.

— Значит, родились вы в Таллине?

— Нет, в Твери, нынешнем городе Калинине. Мой отец, Иван Изотович Царев, был

путешествие». Артистом стал. Кругосветное путешествие совершаю — по частям.

— После школы вы поступили в театральную студию?

— Не сразу. Жизнь меня не слишком баловала. Учась в 3-м классе, я был репетитором у мальчика, отец которого платил за мой уроки. Во время каникул устраивался на железную дорогу или в мастерские счетоводом. В 1916-м, скрыв свой возраст, поступил учеником токаря на Русско-Балтийский завод: шла первая мировая война, и я обтачивал корпуса ручных гранат, в ночную смену стоял у станка по тринадцать часов... Но все время мечтал о театре. Отец ворчал: «Ты бы поменьше ходил в оперетку, а побольше в Александрийку». Вообще же они с мамой хотели, чтобы я учился «на врача». Однако я все же сделал попытку поступить в Школу русской драмы при бывшем Александрийском театре (это произошло в 1919 году). Кстати, заявление в драматическую школу нужно было писать от имени отца, и я его подписал: «Иван Царев». И в списке принятых оказался Иван, а не Михаил Царев. Конечно, потом это недоразумение выяснилось.

— Известно, что, прежде чем вступить в труппу Малого театра, вы потрудились в бывшей Александрийке, и в Большом драматическом, и в Театре Мейерхольда, и в Махачкале, Симферополе, Казани... И почти полвека работает в Малом. За эти годы у вас, несомненно, было множество интереснейших, незабываемых встреч с людьми, чьи имена принадлежат истории. Понятно, что обо всем не рассказать, но, пожалуйста, хотя бы о некоторых встречах.

— Что ж, попробую. Ну, вот, например, незабываемая встреча. В 1925 году проходил я действительную военную службу в городе Владимире, в отдельном радиобатальоне. Изучали мы схемы радиц, радиотехнику, радиофизику. Я гордился тем, что в любую погоду (а та зима была лютой) могу быстро поставить радиостанцию, наладить связь, на слух прини-

вдруг Мейерхольд. — Сейчас поясню. Я пригласил Царева «открыть некоторые секретики» для роли Дон Карлоса, а сам в это время думал, как бы пригласить его к себе в театр на роль Армана Дювала в «Даме с камелиями»... Вот так. Армана Дювала я у него сыграл. И Чап

много было замечательных встреч. С Марлей Николаевной Ермолаевой. С Александром Блоком, который в Большом драматическом заведовал литературной частью. Почти три года прожил я в семье композитора Александра Константиновича Глазунова. Мы с ним ходили на концерты симфонического оркестра Петроградской консерватории (теперь с огромным удовольствием читаю монолог Эг蒙та под музыку Бетховена в исполнении этого ленинградского оркестра). Много встреч...

— Недавно вы в «Неделе» рассказали об обширных обязанностях председателя ВТО и президента национального центра Международного института театра. Продолжим разговор на эту тему — об обязанностях директора Малого театра?

— Трудные обязанности. Ди-ректора касается все: и формирование актерского состава и репертуара, и выбор гастрольных маршрутов, и выезды на стройки, заводы, в колхозы, воинские части с шефским концертом. И как живет тот или иной актер, какое у него настроение, кто и когда должен получить новое артистическое звание. И как делаются декорации, где и кем шьются костюмы, нужен ли ремонт здания театра и филиала. И еще многое. Одному со всем этим не справиться, выручает заместители. Но главное, основное все равно приходится решать самому.

— Вы производите впечатление очень строгого человека. Подчас даже сурового. Это первое впечатление?

— (Усмехнувшись). «Он с виду только меланхолик, он рассмешишь готов до колик...». Я действительно строг. Директор театра и не может быть иным. Страг, подчас даже суров, но решения стараюсь принимать справедливые.

— Какое свойство характера актера вам более всего претит?

— Более всего претит зависть. От зависти недалеко до злости, а там и до клеветы.

— У вас масса дел. Как удается от них отвлечься, переключиться, отдохнуть?

— Читаю. Чем старше, тем больше люблю книги... Жожу на студенческие спектакли — это и обязанность, и одновременно отдача. Люблю студенческие спектакли! Смотрю спортивные передачи по телевидению. Когда-то сам в футбол играл, в теннис. Бегал. Теперь только смотрю. Но знаете, когда плохо играют, еле-еле плетутся по полю, это ужасно, одно расстройство...

— Вы легки на подъем?

— Очень легок! Нужно куда-то ехать, лететь — соберусь в несколько часов.

— Есть у вас любимые улицы, любимые места в городах, которые вам особенно дороги?

— У кого же их нет... Улица Рогова в Ленинграде, набережные Невы. Они — моя юность. А в Москве — площадь Петровская, Театральная, Свердлова. Площадь, на которой стоит Малый театр. Он — моя жизнь.

Гостя расспрашивал
Эдуард ЦЕРКОВЕР.
Снято фотографом
А. Борисов.

Михаил Царев

сделаются старомодными завтра, будут современными всегда.

— Среди сыгранных вами есть что-то такое, чему принадлежит особое место в ряду работ?

— Когда я мысленно перебираю роли, которые имел счастье играть, которые остались наиболее глубокий след в моей душе, я неизменно возвращаюсь к Чапкому. Почему? Если спросить себя: в чем основа характера Чапкого? — ответ возможен единственный. Нетерпимость к несправедливости. Его монологи, его сарказм — не что иное, как стремление отмежеваться от всего, что мешает любить людей, идти с ними к лучшему будущему.

— А есть в мировом репертуаре роль, которую вы хотели сыграть, но так и не сыграли? Жалеете вы об этом?

— Сегодня, оглядываясь на пройденное, убежден: нет. Ну, не сыграл я Гамлета, а хотел. Но у меня король Лир, был Макбет, был Фердинанд в шиллеровской пьесе «Коварство и любовь», были горьковский Стапик, Арбенин, Фамусов, Маттиас Клаузен, Уриэль Акоста и еще многое из бессмертной классической драматургии. Вообще, мне грех жаловаться на свой репертуар... Сейчас хотелось бы сыграть что-то современное, непременно правдивое, сложное, глубокое, требующее всей души без остатка.

— Михаил Иванович, давайте вспомним: когда, в какой миг вы впервые почувствовали в себе актерское начало?

— (С задумчивой улыбкой). Пожалуй, много лет назад, в начальных классах Ревельской гимназии (в Ревеле, нынешнем Таллине, жила тогда наша семья). Вызвал меня к доске учитель, помню и его фами-

лиль — Тюленев; надо было прочитать наизусть стихи Некрасова. «Однажды в студеную зимнюю пору...» — стал читать я, а когда закончил, он сказал: «После того, как ты произнесешь: «Гляжу, поднимаюсь» — погляди в окно. И когда там как бы увидишь, что поднимается медленно в гору лошадка, тогда и продолжай». И я почувствовал, что, «увидев», гораздо легче декламировать. Наверное, это и был мой первый урок по системе Станиславского. А может быть, и большее — то, что направило меня по актерскому пути.

— Значит, родились вы в Таллине?

— Нет, в Твери, нынешнем городе Калинине. Мой отец, Иван Изотович Царев, был

путешествие». Артистом стал. Кругосветное путешествие совершаю — по частям.

— После школы вы поступили в театральную студию?

— Не сразу. Жизнь меня не слишком баловала. Учась в 3-м классе, я был репетитором у мальчика, отец которого платил за мой уроки. Во время каникул устраивался на железную дорогу или в мастерские счетоводом. В 1916-м, скрыв свой возраст, поступил учеником токаря на Русско-Балтийский завод: шла первая мировая война, и я обтачивал корпуса ручных гранат, в ночную смену стоял у станка по тринадцать часов... Но все время мечтал о театре. Отец ворчал: «Ты бы поменьше ходил в оперетку, а побольше в Александрийку». Вообще же они с мамой хотели, чтобы я учился «на врача». Однако я все же сделал попытку поступить в Школу русской драмы при бывшем Александрийском театре (это произошло в 1919 году). Кстати, заявление в драматическую школу нужно было писать от имени отца, и я его подписал: «Иван Царев». И в списке принятых оказался Иван, а не Михаил Царев. Конечно, потом это недоразумение выяснилось.

— Известно, что, прежде чем вступить в труппу Малого театра, вы потрудились в бывшей Александрийке, и в Большом драматическом, и в Театре Мейерхольда, и в Махачкале, Симферополе, Казани... И почти полвека работает в Малом. За эти годы у вас, несомненно, было множество интереснейших, незабываемых встреч с людьми, чьи имена принадлежат истории. Понятно, что обо всем не рассказать, но, пожалуйста, хотя бы о некоторых встречах.

— Что ж, попробую. Ну, вот, например, незабываемая встреча. В 1925 году проходил я действительную военную службу в городе Владимире, в отдельном радиобатальоне. Изучали мы схемы радиц, радиотехнику, радиофизику. Я гордился тем, что в любую погоду (а та зима была лютой) могу быстро поставить радиостанцию, наладить связь, на слух прини-

Знакомый голос Царева, улыбка Царева, его неповторимые интонации, его патетика, его юмор... Художник многограновый, многообразный, он всегда узнаваем и всегда нов — в любой роли.

Выдающийся деятель сценического искусства, он — целая эпоха в советском театре.

Сегодня гость нашей 13-й страницы — народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI и пяти предшествовавших съездов КПСС, председатель правления Всероссийского театрального общества, президент Советского национального центра Международного института театра, профессор Училища имени М. С. Щепкина, ведущий актер и директор Малого театра Михаил Иванович ЦАРЕВ.

Готовясь к беседе с Михаилом Ивановичем, я прочел несколько книг о нем, о его творчестве. Запомнил слова Константина Паустовского, в пьесе которого «Наш современник» Царев сыграл Пушкина: «Горячий, умный, блестательный Пушкин!» Слова Николая Тихонова о работе в «Оптимистической трагедии»: «Трактовка им роли Божака — подлинное открытие». Слова народного артиста СССР Акакия Хорава: «Величие актерской индивидуальности Царева».

— Михаил Иванович, как воспринимаете вы похвалы?

— Не стану ханжить — выслушиваю с удовольствием. И с некоторой неловкостью. Приятно. Но, по правде говоря, сердечное, дельное замечание мне и важнее, и интереснее. Не то, чтобы я так уж любил критику в свой адрес. Однако критика, трезвый анализ необходимы художнику так же, как вредно головокружение от успехов.

— Вероятно, аналитичность — основа вашей творческой лаборатории, и именно с анализа начинаете вы работу над ролью?

— Да, нужно глубоко понять пьесу. Что хотел сказать автор? Какова функция данной роли во всей системе образов? Существует множество компонентов, составляющих полноту образа, его правду, — от социального и философского смысла до точности костюма, грима, жеста.

— Вы сыграли сотни ролей, самых завидных классических и весьма ярких современных. Пожалуйста, из их совокупности выведите и назовите главную, ведущую тему своего творчества. То, о чем вы хотите говорить со сцены в первую очередь.

— О любви. Вернее, о Любви с большой буквы. Поймите правильно: не о том чувстве, которым принято обозначать сложет каких-либо «жестоких» мелодрам. Нет, о Любви — светлом, согревающем нас отношении к своей земле, своей стране, своему народу, своему неповторимому времени. Любовь — это единение со временем. Через любовь можно рассказать о многом — о становлении человека, и о нравственном его мире, и о личных коллизиях. Словом, Любовь — образ, в котором соединяются самые главные проблемы наших дней.

— «Единение со временем». Нельзя ли расшифровать, подробнее объяснить этот постулат?

— Отчего же, попытаюсь. Время — тот фактор, который мы просто не в силах миновать. Процесс старения, увы, необратим. В искусстве он выражается главным образом в том, что актер вдруг останавливается в своем движении и перестает воспринимать новое. И бывает так, что актер играет в наши дни, но по существу остался в ином, уже минувшем времени и живет по его законам, а не по сегодняшним. Чувство времени означает для художника вовсе не погоню за модой, а способность выбрать из сценических выразительных средств те, которые не

лию — Тюленев; надо было прочитать наизусть стихи Некрасова. «Однажды в студеную зимнюю пору...» — стал читать я, а когда закончил, он сказал: «После того, как ты произнесешь: «Гляжу, поднимается» — погляди в окно. И когда там как бы увидишь, что поднимается медленно в гору лошадка, тогда и продолжай». И я почувствовал, что, «увидев», гораздо легче декламировать Наверное, это и был мой первый урок по системе Станиславского. А может быть, и большее — то, что направило меня по актерскому пути.

— Значит, родились вы в Таллине?

— Нет, в Твери, нынешнем городе Калинине. Мой отец, Иван Изотович Царев, был

путешественник. Артистом стал. Кругосветное путешествие совершаю — по частям.

— После школы вы поступили в театральную студию?

— Не сразу. Жизнь меня не слишком баловала. Учась в 3-м классе, я был репетитором у мальчика, отец которого платил за мои уроки. Во время каникул устраивался на железную дорогу или в мастерские счетоводом. В 1916-м, скрыв свой возраст, поступил учеником токаря на Русско-Балтийский завод: шла первая мировая война, и я обтачивал корпуса ручных гранат, в ночную смену стоял у станка по тридцать часов... Но все время мечтал о театре. Отец ворчал: «Ты бы поменьше ходил в оперетку, а побольше в Александринку». Вообще же они с мамой хотели, чтобы я учился «на врача». Однако я все же сделал попытку поступить в Школу русской драмы при бывшем Александринском театре (это произошло в 1919 году). Кстати, заявление в драматическую школу нужно было писать от имени отца, и я его подписал: «Иван Царев». И в списке принятых оказался Иван, а не Михаил Царев. Конечно, потом это недоразумение выяснилось.

— Известно, что, прежде чем вступить в труппу Малого театра, вы потрудились в бывшей Александринке, и в Большом драматическом, и в Театре Мейерхольда, и в Махачкале, Симферополе, Казани... И почти полвека работаете в Малом. За эти годы у вас, несомненно, было множество интереснейших, незабываемых встреч с людьми, чьи имена принадлежат истории. Понятно, что обо всем не рассказать, но, пожалуйста, хотя бы о некоторых встречах.

— Что ж, попробую. Ну, вот, например, незабываемая встреча. В 1925 году проходил я действительную военную службу в городе Владимире, в отдельном радиобатальоне. Изучали мы схемы радиорадиотехники, радиофизику. Я гордился тем, что в любую погоду (а та зима была лютой) могу быстро поставить радиостанцию, наладить связь, на слух прини-

вдруг Мейерхольд. — Сейчас поясню. Я пригласил Царева «открыть некоторые секретики» для роли Дон Карлоса, а сам в это время думал, как бы пригласить его к себе в театр на роль Армана Дювала в «Даме с камелиями»... Вот так. Армана Дювала я у него сыграл. И Чатцкого — в «Горе уму».

Много было замечательных встреч. С Марией Николаевной Ермоловой. С Александром Блоком, который в Большом драматическом заведовал литературной частью. Почти три года прожил я в семье композитора Александра Константиновича Глазунова. Мы с ним ходили на концерты симфонического оркестра Петроградской консерватории (теперь с огромным удовольствием читая монолог Эг蒙та под музыку Бетховена в исполнении этого ленинградского оркестра). Много встреч...

— Недавно вы в «Неделе» рассказали об обширных обязанностях председателя ВТО и президента национального центра Международного института театра. Продолжим разговор на эту тему — об обязанностях директора Малого театра?

— Трудные обязанности. Ди-ректор касается все: и формирование актерского состава, и репертуар, и выбор гастрольных маршрутов, и выезды на стройки, заводы, в колхозы, воинские части с шефскими концертами. И как живет тот или иной актер, какое у него настроение, кто и когда должен получить новое артистическое звание. И как делаются декорации, где и кем шьются костюмы, нужен ли ремонт здания театра и филиала. И еще многое. Одному со всем этим не справиться, выручают заместители. Но главное, основное все равно приходится решать самому.

— Вы производите впечатление очень строгого человека. Подчас даже сурового. Это верное впечатление?

— (Усмехнувшись). «Он с виду только меланхолик, он расмешить готов до колик...» Я действительно строг. Директор театра и не может быть иным. Страг, подчас даже суров, но решения стараюсь принимать справедливые.

— Какое свойство характера актера вам более всего претит?

— Более всего претит зависть. От зависти недалеко до злости, а там и до клеветы.

— У вас масса дел. Как удается от них отвлечься, переключиться, отдохнуть?

— Читаю. Чем старше, тем больше люблю книги. Жую на студенческие спектакли — это и обязанность, и одновременно отдыши. Люблю студенческие спектакли. Смотрю спортивные передачи по телевидению. Когда-то сам в футбол играл, в теннис, бегал. Теперь только смотрю. Но знаете, когда плохо играют, еле-еле плетутся по полю, это ужасно, одно расстройство...

— Вы легки на подъем?

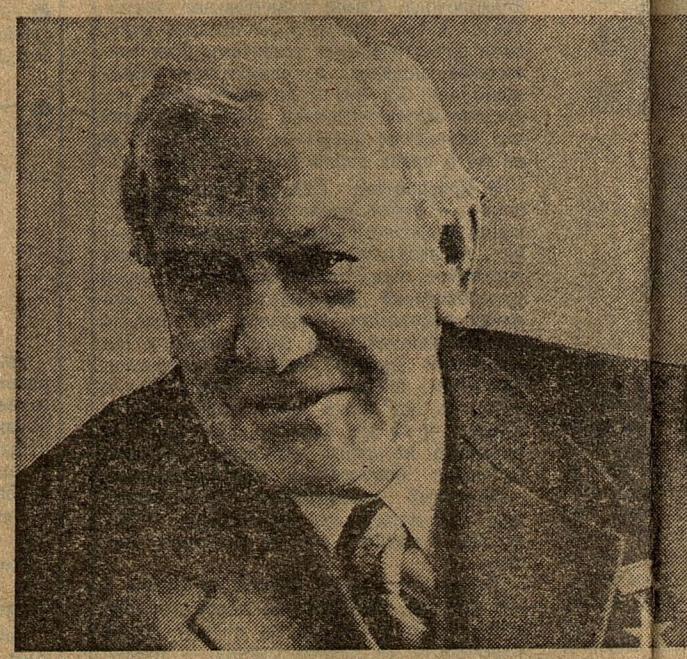
— Очень легок! Нужно куда-то ехать, лететь — соберусь в несколько часов.

— Есть у вас любимые улицы, любимые места в городах, которые вам особенно дороги?

— У кого же их нет... Улица России в Ленинграде, набережные Невы. Они — моя юность. А в Москве — площадь Петровская, Театральная, Свердлова. Площадь, на которой стоит Малый театр. Он — моя жизнь.

Гостя расспрашивал
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Снято фотографом
А. Борисов.

Михаил Царев

сделаются старомодными завтра, будут современными всегда.

— Среди сыгранных вами есть что-то такое, чему принадлежит особое место в ряду работ?

— Когда я мысленно перебираю роли, которые имел счастье играть, которые оставили наиболее глубокий след в моей душе, я неизменно возвращаюсь к Чатцкому. Почему? Если спросить себя: в чем основа характера Чатцкого? — ответ возможен единственный. Нетерпимость к несправедливости. Его монологи, его сарказм — не что иное, как стремление отмежеваться от всего, что мешает любить людей, идти с ними к лучшему будущему.

— А есть в мировом репертуаре роль, которую вы хотели сыграть, но так и не сыграли? Жалеете вы об этом?

— Сегодня, оглядываясь на пройденное, убежден: нет. Ну, не сыграл я Гамлета, а хотел. Но был у меня король Лир, был Макбет, был Фердинанд в шиллеровской пьесе «Коварство и любовь», были горьковский Старики, Арбенин, Фамусов, Маттиас Клаузен, Уриэль Акоста и еще многое из бессмертной классической драматургии. Вообще, мне грех жаловаться на свой репертуар... Сейчас хотелось бы сыграть что-то современное, непременно правдивое, сложное, глубокое, требующее всей души без остатка.

— Михаил Иванович, давайте вспомним: когда, в какой миг вы впервые почувствовали в себе актерское начало?

— (С задумчивой улыбкой). Пожалуй, много лет назад, в начальных классах Ревельской гимназии (в Ревеле, нынешнем Таллине, жила тогда наша семья). Вызвал меня к доске учитель, помню и его Фами-

фельшером на железной дороге, лечил машинистов, сцепчиков, стрелочников, кондукторов. Кстати, с тех давних пор люди железнодорожных профессий мне особо импонируют. Потом отца перевели в Ревель, затем в Царское Село. В Царскосельской гимназии преподаватель Бородин выслушал мое чтение («Размышил у парадного подъезда») и сказал: «Хорошо. Но много пафоса». Он точно определил мое слабое место: впоследствии, многие годы актерской жизни, мне приходилось сдерживать темперамент, очевидно, не всегда верно направленный и приводивший к излишнему пафосу. А между прочим, я с юных лет тянулся к характерным ролям, старался как можно правдивее изображать Городничего или Подколесина (в гимназических спектаклях). Играя Подколесина, однажды (засмеялся) самым настоящим образом выпрыгнул со сцены в окно...

— Словом, актерская судьба была предрешена в детстве?

— О, в десять лет! И это даже зафиксировано документально. Бытовали в гимназии записные книжечки, они назывались «Товарищ». Вроде справочников, со всячими полезными сведениями — мерами длины, веса, географическими данными. На одной странице полагалось ответить на вопросы: «Кем хочешь стать? Твое любимое занятие?» Я написал: «Быть артистом. И совершил кругосветное

путешествие». Артистом стал. Кругосветное путешествие совершаю — по частям.

— После школы вы поступили в театральную студию?

— Не сразу. Жизнь меня не слишком баловала. Учась в 3-м классе, я был репетитором у мальчика, отец которого платил за мои уроки. Во время каникул устраивался на железную дорогу или в мастерские счетоводом. В 1916-м, скрыв свой возраст, поступил учеником токаря на Русско-Балтийский завод: шла первая мировая война, и я обтачивал корпуса ручных гранат, в ночную смену стоял у станка по тридцать часов... Но все время мечтал о театре. Отец ворчал: «Ты бы поменьше ходил в оперетку, а побольше в Александринку». Вообще же они с мамой хотели, чтобы я учился «на врача». Однако я все же сделал попытку поступить в Школу русской драмы при бывшем Александринском театре (это произошло в 1919 году). Кстати, заявление в драматическую школу нужно было писать от имени отца, и я его подписал: «Иван Царев». И в списке принятых оказался Иван, а не Михаил Царев. Конечно, потом это недоразумение выяснилось.